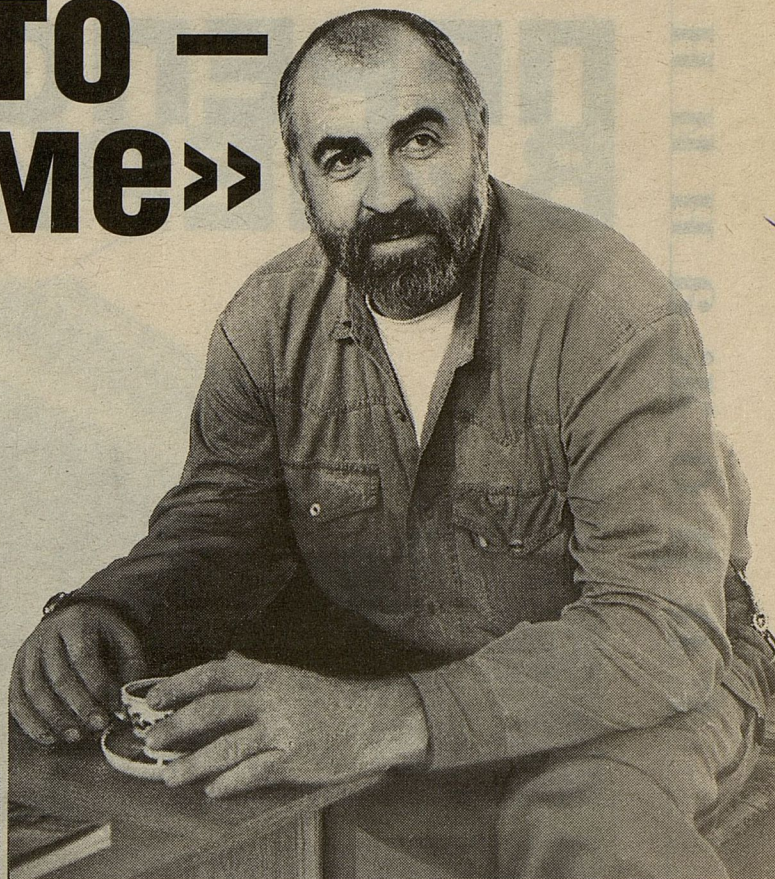

«Одна девочка – поэтесса, красавица и убийца – попросила передать ее письмо тому, кто пишет стихи. Я передал Андрею Васюкову – тоже поэту и тоже убийце. Они стали писать друг другу стихи и даже редактировать друг друга».

судьба

Писатель Сергей КАЛЕДИН два года назад понял, что может принести пользу колонии для малолетних. И приносит ее до сих пор

«Мое место – в тюрьме»

Сергей Каледин, нянька широкого профиля

Давно известно: «Тюрьма есть ремесло окаянное. И для скорбного дела сего зело истребны люди твердые, добрые, веселые». Сергей Каледин, славный повестями из жизни «людей, попавших под водерлинию» (определение самого Каледина), как раз из подходящих для скорбного дела. Правда, пришел он к нему не сам. А с помощью двух умных женщин.

– Мама мне всегда давала темы для писанины – и для «Смирненного кладбища», и для «Стройбата», – утверждает Сергей Евгеньевич. – Даже названия придумывала.

– Разве вы сами не работали на кладбище?

– Работал. И в стройбате служил. Но написать без толчка от мамы ничего не мог. А незадолго до смерти она мне сказала: «Сергея, четыре года уже не пишешь. Шел бы ты в какое-нибудь детское кубло, вел бы там факультатив по литературе. Общайся с детьми: они тебе нужны, а ты нужен им». И я пошел в какой-то техникум, потом в ПТУ...

– Почему там не вышло?

– Мне говорили: «Было бы хорошо, чтобы вы у нас вели литературу. Но для этого надо выгнать работающую учительницу». Что, понятно, запахло... А потом мама померла. Я пошел к Люсе Улицкой, она – очень доверенный мой человек: «Люся, писать не хочу: скучно». Она говорит: «И не надо. У тебя ведь дача под Можайском? В двадцати минутах от тебя – Можайская воспитательная колония. Поезжай, твое место там». Я подумал. Вспомнил маманю. В очередной раз понял, что бабы умнее мужиков. И – побежал в тюрьму, задрал порточки.

Пришел к начальнику колонии, полковнику Шатохину Борису Анатольевичу. Шатохин выслушал и говорит: «Иди к нам, в любое качество». Попробовал я литературный кружок. Вышла ерунда: это все-таки не Смольный институт и не кадетский корпус. Так что стал я там нянькой широкого профиля.

– Это как?

– Это по-всякому. Разговоры с пацанами на любые темы, доставание медикаментов и стоматологических прибамбасов, книг... Так что по факту вышло попечительство. Полковник Шатохин сделал невиданное: открыл для меня колонию. Я хожу по ней в любое время, общаюсь с пацанами когда хочу, где хочу и без согласования. Шатохину я с самого начала сказал: «Я буду сплетничать на тему Можайской воспитательной колонии. И вынесу сор из избы я рублей на пятнадцать. Но принесу в избу на 150. Вы согласны?» Он говорит: «Да». Так и живем.

– Зону «держат» люди из администрации или «авторитеты» из сидельцев?

– Тут своего рода баланс. Конечно, весь закон административный выполняется. Поди-ка не выполни у Шатохина: пойдешь в каземат. Но он умный дядька и не отдает невыполнимых распоряжений. Он, например, не скажет: «Не курите», – чтобы потом гонять тех, кто дымит исподтишка. Говорит: «Курите, черт с вами». Плохо? Конечно: табачный дым убивает двух лошадей и одного верблюда «кземел». Но запретить – еще хуже. Поэтому – «курите». Парни как бы воздухом свободы дышат.

– И закон кулака на зоне не действует?

– Нет мордобоя. Конечно, в каждом отряде есть смотрящий, паханок мелкий. Что-то нарушил кто-нибудь из вновь прибывших – паханок идет к нему и говорит: «Ты, Ваня, поступил плохо и так не делай». Но калечить или опускать никто этого Ваню не будет. Даже за воровство.

– Сами верите в то, о чем говорите?

– Не я говорю, а мне на зоне говорят. Я же сплетни собираю и вижу,

что в любом случае беспредела гораздо меньше, чем во времена, когда жизнь «на малолетке» считалась адом. При том что Можайка – замкнутый мужской монастырь со своим кодексом и равнением на паханка.

– Как прошел ваш первый контакт с сидельцами?

– Собрали пацанов ребятам-воспитатели на поляне, а я стоял и о себе рассказывал. Даже почитал им немножко из «Смирненного кладбища». Хотелось заинтересовать собой, дать понять, что я не стукач и не топтун. Но не вышло. Они сидят передо мной, человек шестьдесят, – все в наколках, глаза покрыты куриной пленкой: лень им все. Я прихожу к жене моей и говорю: «Оля, голяк». Так полгода и не выходило ничего. Думал уже закрывать лавочку. А потом как-то сложилось. Вписался я в пейзаж зоны. Некоторым просто со мной интересно: каких-то людей могу привести – иностранцев, допустим, или Валерия Золотухина... Например, я был в девичьей колонии в Новом Осколе и говорю: «Девушки, напишите-ка письма моим пацанам». И они за два часа написали сто писем. Я взял эту кипу с собой и раздал ребятам.

– По принципу «На кого Бог пошлет»?

– Не совсем. Например, одна девочка – поэтесса, красавица и убийца – попросила передать ее письмо тому, кто пишет стихи. Я передал Андрею Васюкову – тоже поэту и тоже убийце. Они стали поддерживать отношения, писать друг другу стихи и даже редактировать друг друга. Сейчас Андрюха освободился, немного денюжку подработает и поедет в Новый Оскол. Дождаться, когда девочка-красавица свой срок закончит. Что дальше у них выйдет – не знаю.

В основном, конечно, пацаны прекратили писать девочкам. Все-таки хребет зоны, ее стержень – «проплыть мимо дела»: не учиться и не работать, как велит блатной закон. Впрочем, на школу в Можайке это не совсем распространяется. Учительницы там достойнейшие – из Можайска, с огромным стажем. Пацаны учатся в охотку, получают аттестаты, намечают себе дорогу в институты и техникумы.

– Много таких?

– Мало, но они есть. Вот попал к нам Олег Коновалов, по грабежу. Поступил в строительный институт, на радостях выпил портвейна с товарищами – ну, и сдержули с прохожей барышни сумку. Было в ней полсотни рублей, а получил Олег пятерик.

Говорю полковнику Шатохину: «Пацан поступил в институт и загремел за дурость. Вам закон разрешает его в отпуск отпускать?» – «Да, это можно». – «Отпустите его на сессию в институт». Через некоторое время полковник мне говорит: «Олег Коновалов в Москве, сдает сессию». Пробил он это дело, несмотря на вопли прокуроров! Скоро еще один парень будет учиться в вузе на заочном: распечатали мы процесс.

– Сейчас вы часто бываете в колонии?

– В среднем раз в неделю. Сейчас забота – компьютерный класс сделать. Вроде получается. Когда я тихо вякал о проекте компьютерного класса, Шатохин смотрел на меня как на слегка вольтанутого. Дескать, «что ж ты мелешь – тем более в тюрьме, где за базар отвечают? Я тебя, конечно, прощу; но уж забормотался так забормотался». Однако с помощью одного фонда дело срывается.

– Что еще спросилось?

– Медицина, слава Богу, есть. Художница нанята, кружок вести будет. Но не сделано-то еще больше. Недавно я написал письмо Березовскому в Лондон, мы с ним были знакомы: «Борис Абрамович, подкиньте денег на клуб». У нас, видите ли, клуб огромнейший, который можно укомплектовать различными кружками. Но клуб весь течет, его чинить надо. Кроме того, есть на зоне футбольное поле, но ребят туда пускать нельзя: оно окружено отдельным забором, а он обвалился.

– У колонии на забор денег нет?

– В том-то и дело. А богатеи знакомые говорят, что на колющую проволоку и прочее «усиление пенитенциарной системы» раскошиться не желают. Может, Березовский поймет, что забор необходим не вертухаям, а самим пацанам.

– Березовский уже ответил вам?

– Пока нет. Богатеи вообще не дают на колонию ни одной копейки. Я к ним обращался по телевизору, говорил: «Подумайте хотя бы о собственной безопасности. Там сидят молодые люди. И если их не поласкать и не потешать, то они выйдут озлобленные и изнасилуют ваших дочек-внучек. Потом перережут вас. Что же вы не хотите сделать что-нибудь полезное для детской зоны? Могли бы позаботиться о реабилитации вышедших, выделить рабочие места. Даже сформировать из них свою личную гвардию, самую преданную». Но не понимают золотодержатели этой логики.

– Но кто-то все-таки дает?

– Те, кто небогат. Понемногу, но очень весомо. Люся Улицкая, например, покупает медикаменты. А с ее подачи втянуты и другие люди среднего достатка.

Есть еще одна штука, которая засела мне в душу. В колонии все получают мало: например, психологи – дамы с великолепными мозгами – имеют, по-моему, две с половиной. Плохо получают воспитатели, офицеры. Но каким-то образом тамошнее начальство в свое время сподобилось построить банно-оздоровительный комплекс для персонала: сауна, маленький бассейн и зал с каминчиком. Оазис в их тюремной жизни – безнадёжной, непрестижной. Этот комплекс при приеме на работу играл большую роль: «Денег мы тебе даем мало, зато смотри, какая у тебя будет штука!»

Но два года тому назад кто-то чего-то недоследил. Трубы разорвало, затопило всё. Три тысячи долларов надо, чтобы ремонт сделать, иначе сгниет на корню, а строить новую сауну будет дорожке. И вот открываю я рот перед знакомыми: «Мне бы три тысячи долларовей». – «На что?» «А чтобы тюремщики попарились и у каминчика посидели», – говорю я. «Как ты смеешь! Тюремщикам?! Да пропади они пропадом!» Я говорю: «Друзья, нельзя ли посмотреть на проблему не только через «Архипелаг ГУЛаг»? Нет отзыва. Гниет комплекс.

– Как сказал заключенный

надзирателю: «Я-то выйду, а ты на зоне останешься». По этой логике мыслите?

– Естественно. Та же Люся Улицкая говорила, когда гнала меня в тюрьму: «Не вцепляйся в одних пацанов, уделяй такое же внимание тюремщикам». Поэтому пришел я к ней: «Люся, помоги». Она говорит: «Даю 250 долларов». Я говорю: «И я даю столько же. Остальное по подписке соберем». Но не получился пока этот фокус.

– Почему вы настаиваете на том, что тюремщики сегодня – другие?

– Я же вижу нравы на Можайке. И потом время все-таки иное. Например, в Норвегию побратимы-тюремщики приглашают можайцев. Едет туда Шатохин, воспитатели – перенимают опыт, действительно перенимают. Кроме того, Норвегия посылает подарки. Солдатскую форму норвежскую, все пацаны у нас в колонии ходят в ней – очень удобно: карманы на коленях... Дело это затеял, конечно, тамошний пастор. Он так понимает свое миссионерское служение.

– А православные священники ходят в колонию?

– Приходят, да. Стоят в библиотеке Евангелие и молитвословы, но не читают их малыцы. Потому что священники им рассказывают Закон Божий весьма заунывно. Забывают о том, что Иисус-то – живой человек. Который, прости Господи, на Земле тоже был не в ладах с законом...

Я постоянно долблю, как ворона мерзлый хрен, две темы. Во-первых, чтобы ребята не обижали друг друга: «Вам нужно выйти людьми, а мы постараемся, чтобы у вас все было хорошо». Во-вторых, чтобы читали больше. Книг на зоне появилось много; если раскурят, развернут – новых принесем. Я им говорю: «Книжка – это же не билет в кино, где надо деньги потратить. Положил ее в карман норвежских порток, почитал – и поумнел на халаву».

– Что читают?

– Неважно что. Главное, чтобы они в тридцать три буквы русского алфавита научились паяльничать. Правда, я им сказал: «Бандитскую рвань про бешеных-меченых я таскать не буду. Сам такое фуфло не читаю и вам скидывать не стану. А буду приносить то, что советую своему сыну и племянникам». И читают – кто стихи, кто прозу, кто просит книги по психологии или истории...

– У вас-то новое стало писаться?

– Да, пошло дело. Впервые за четыре года начал повесть.

– О колонии?

– О жизни. Но, конечно, теперь мне зону не обойти.

Юрий ВАСИЛЬЕВ

Учиться можно и тут: в колонии – первое сентября

ИТАР-ТАСС

13.10.03

Каледин Сергей (Vasiliev)